

Воск. кн. уб. - 1994. - 15 сент. - С. 7.
**В него влюблялись
 часто и помногу**

В Вольном поселении художников (Крапивенский пер., д. 4, кв. 25) прошел вечер памяти **Венедикта Ерофеева**. Собравшиеся читатели его таланта увидели писателя на фотографиях в разных стадиях взросления — от светлой юности до не менее светлой зрелости. Под стеклом лежала копия рукописи «Москва—Петушки» (почерк — удивительно разборчивый и аккуратный). В записи звучал голос Ерофеева (до операции!) — чтение собственной трагедии «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора». Его старые друзья, Борис Сорокин и Игорь Авдиев, прототипы героев «Москвы—Петушков», показали одноименный фильм Пола Павликовского, принадлежащий Би-би-си. И рассказали массу примечательных вещей о Венчике Ерофееве, из которой приведу небольшую кучку однонаправленной тематики. Словом, о том, что им было воспето.

«Петушки — это место, где у тех, кто не просыхает неделями, взгляд бездонен и ясен».

Петушки — место, где он пил. И не только он — там пила вся деревня. Люди вставали, если не было водки — шли в другую деревню, если не было во второй — шли в третью.

«Документов у меня нет. Я их не люблю», — признавался Ерофеев.

Документов у него дей-

ствительно не было. Родился на Кольском полуострове, поступил в Московский университет, откуда вскоре был отчислен за нехождение на занятия по военной подготовке. Стал работать: грузчиком продовольственного магазина, подсобником каменщика, истопником-кочегаром, дежурным отделения милиции, приемщиком винной посуды, бурильщиком в геологической партии, стрелком военизированной охраны, библиотекарем, коллектором в геофизической экспедиции, заведующим цементным складом, лаборантом ВНИИДиС по борьбе с окрыленным кровососущим гнусом в Таджикистане... Дольше всего трудился как монтажник кабельных линий связи.

На вопрос «Вы Маркса читали?» Ерофеев отвечал: «Абсолютно».

Как рассказывала вторая жена Ерофеева, ей Веню друзья подкинули, как котенка. Ушли, а он остался на лестнице. Открыла дверь, говорит: «Что же вы тут сидите, входите». Он вошел и остался у нее совсем.

Из воспоминаний друзей: «Ничего себе «подобрала, как котенка!» Подруга привела Веню, потому что некуда было девать человека, а Галя с руками его у подруги отдрала». Как бы то ни было, жил он в Камергерском переулке — проезде Художественного театра — со всеми прелестями жизни в центре, когда в любое время могут позвонить и сказать: «Ты дома? Мы через 15 минут у тебя будем». Веня рассказы-

вал: «Вот вчера были художники. А потом пошли какие-то музыканты. Потом пришли левые, а надрались — оказались ярые правые. И с каждой рюмкой становились все правее и правее». Дело доходило и до драк. Дрались гости обычно долго, с двух-трехминутными перерывами на отдых. В характере Вени было сидеть, смотреть и иногда подбадривать какую-либо сторону: «Дай ему, дай!»

Вадим Тихонов, кому Ерофеев посвятил книгу «Москва—Петушки», был любимым первенцем и единственным последовательным учеником Ерофеева в жизни, а не в мыслях. Подружились они следующим образом. Вадиму много рассказывали о Ерофееве, какой он интересный и опасный человек. Когда они встретились, Вадим послушал его и говорит: «Ну что ж, я готов вам предоставить политическое убежище». Ваде не надо было ничего объяснять. Ему и принадлежит знаменитое присловье: «Грехи наши бессмертные».

Венедикт, как человек, был громомотводом — притяжением всякой драмы. У него была мечта: всех девушек, которые его любили, собрать за одним столом. Устроить эдакую Вальпургиеву ночь и посмотреть, как они будут вести себя — сами передерутся, может быть, его убьют, или все тихо будет. Одно время строил из себя женоненавистника. А женщины в него влюблялись сильно и помногу. И почти бескорыстно.

**Записала
 Ирина КОРНЕЕВА.**